

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации Кузнецова Александра
Анатольевича на тему «Уголовно-правовая характеристика
насильственных форм захвата власти», представленной на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08
– уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право**

Захват власти – явление само по себе далеко не новое и не уникальное. На разных этапах становления государственности захват власти в различных его проявлениях испытали на себе практически все страны, и это неудивительно, поскольку политическая власть, предполагающая возможность распоряжения природными, экономическими, человеческими и т.д. ресурсами всегда представляет интерес для разных социальных групп и их представителей, желающих воспользоваться ими в тех или иных целях. На рост деструктивных настроений в обществе существенное влияние оказывают различные националистические организации, религиозные и общественные объединения, иностранные неправительственные организации и фонды. Их деструктивный потенциал подпитывают социальные сети исламистских и националистических интернет-сообществ, которые транслируют идеи этноконфессиональной нетерпимости и радикальных религиозных течений. Внутренние попытки насильственного захвата государственной власти, попытки свержения основ государственного устройства (конституционного строя) на территории отдельных субъектов Российской Федерации с целью вывода их из состава Российской Федерации особенно ярко проявились в период «чеченских» войн девяностых годов XX столетия и череды последовавших за ними контртеррористических операций на Северном Кавказе. Вместе с тем, состояние уголовного законодательства в сфере регулирования отношений о безопасности конституционного строя в последние годы не претерпело кардинальных изменений, а угрозы, для нейтрализации которых оно создавалось, трансформировались, приобрели международный характер, и, самое главное, превратились в системную,

многоступенчатую, разветвленную преступную деятельность, которая требует новых подходов как к уголовно-правовой оценке самого этого явления, так и формированию соответствующих уголовно-правовых запретов, о чем совершенно справедливо пишет автор.

Степень разработанности темы, несмотря на ее очевидную актуальность, по верному замечанию диссертанта, остается низкой, а имеющиеся исследования охватывают лишь частные проблемы изучаемой темы. При этом комплексных исследований, посвященных вопросам уголовной ответственности за посягательства, направленные на насильственный захват государственной власти, и их специфике почти не проводилось, а публикации по данной теме практически отсутствуют. В связи с этим, предпринятая Кузнецовым А.А. попытка восполнить данный пробел, является важным шагом, который давно назрел и до настоящего времени не был реализован в других исследованиях. Несмотря на определенный интерес, проявляемый в последнее время отечественными учеными к исследуемой проблематике, следует признать, что уголовно-правовые аспекты ответственности за насильственные формы захвата власти до сих пор не получили должного освещения в юридической литературе. Проведенное соискателем исследование механизма уголовно-правового противодействия осуществлению государственного переворота и свержению легитимных органов власти насильственными способами основано на анализе международных правовых актов и внутреннего законодательства в сфере обеспечения неприкосновенности основ конституционного строя в части формирования и функционирования легитимной государственной власти, с учетом современных научных представлений об обеспечении государственной безопасности от угроз внутреннему и внешнему суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации в целом.

Рецензируемый научный труд существенно углубляет доктринальные представления об уголовно-правовой характеристике насильственных форм захвата власти, и, что не маловажно, создает предпосылки для дальнейших

научных исследований проблем уголовной ответственности за такие деяния. Это придает избранной А.А. Кузнецовым теме диссертационного исследования практическую и теоретическую значимость.

При написании работы автор использовал достаточно большой объём литературы, включая диссертационные исследования других авторов. Им так же проведено несколько социологических исследований, проанализированы материалы десятков уголовных дел. В процессе сбора и анализа источников использован также личный опыт автора в качестве следователя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации. Всё это позволяет сделать вывод о том, что полученные результаты, сформулированные выводы и предложения, являются научно достоверными и обоснованными.

Использованная автором методологическая база исследования, позволила всесторонне рассмотреть вопросы уголовной ответственности за насильственные формы захвата власти. Использование системного подхода позволило создать комплексное представление о насильственных формах захвата власти, особенностях проявления и общественной опасности насильственных актов, направленных на свержение государственной власти, об общественных отношениях и институтах, нуждающихся в уголовно-правовой охране, о функционировании механизма уголовно-правового противодействия рассматриваемому виду преступных посягательств. Для сбора и анализа эмпирических данных в работе применялись конкретно-социологический и статистический методы, с помощью которых осуществлялся опрос экспертов и анализ статистических данных.

Достаточными считаем и результаты апробации материалов подготовленного научного труда. Его основные итоги докладывались на многочисленных научных форумах, отражены в десяти научных публикациях, в том числе в шести статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей

аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научная новизна результатов диссертационного исследования подтверждена, прежде всего, успешным решением поставленных исследовательских задач, уточнение имеющихся представлений о социально-правовой природе захвата власти, понятии, признаках и формах его насильственных проявлений; проблемах установления и реализации уголовной ответственности за насильственные формы захвата власти и путей их решения. В диссертации предложены авторские определения и типология государственной власти, насильственного захвата власти, предложена типология участия в совершении вооруженного мятежа. Выявлены сходства и различия насильственных форм захвата власти и преступлений террористического характера и экстремистской направленности, что имеет значение для следственно-судебной практики и организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

В диссертации содержится ряд заслуживающих серьезного внимания положений и рекомендаций.

1. Автор предлагает собственное определение насильственного захвата власти, под которым понимает любой нелегитимный (противозаконный) переход государственно-властных полномочий (высших органов государства), обеспечивающих полноту реализации государственной власти на территории страны или отдельно взятого региона (административно-территориальной единицы) либо установление фактического контроля над определенной территорией, проживающим в ее пределах населением и ресурсами путем создания альтернативных действующей системе государственных органов политических институтов, имеющих собственный аппарат управления и принуждения. Следует согласиться с мнением диссертанта о том, что отсутствие законодательного определения данного явления не способствует его единообразному пониманию.

2. Совершенно обоснованным выглядит предложение о введении в УК РФ состава несообщения о преступлении, направленном на насильственный (незаконный) захват власти, и в то же время включение в конструкцию механизма уголовно-правового противодействия насильственному захвату власти стимулирующих норм, гарантирующих освобождение от уголовной ответственности для лиц, которые решили выйти их числа участников незаконного государственного переворота и приняли активное участие в его нейтрализации, оказали содействие в его предотвращении (как это на данный момент прописано в примечании к ст. 275 УК РФ). Такая норма, вне всякого сомнения, будет способствовать более нацеленной профилактической работе по пресечению и недопущению совершения преступлений, направленных на насильственный захват власти, что является важной частью уголовной политики нашего государства.

3. Крайне интересным выглядит предложение Кузнецова А.А. при квалификации действий членов вооруженного мятежа следует выделять две формы возможного участия: активную и пассивную. Под активным участием автор предлагает понимать действия члена мятежа, непосредственно направленные на достижение преступного результата, внесение существенного вклада в итог вооруженного мятежа, имеющие в себе признаки реального влияния на ход подготовки и итог вооруженных действий, нацеленных на свержение или насильственное изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Как пассивное участие членов вооруженного мятежа автор предлагает квалифицировать действия лиц, в том числе входящих в незаконные вооруженные формирования или преступные группы, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях, но оказали какую-либо помощь организаторам или активным участникам мятежа, за исключением случаев, когда в их деяниях усматриваются признаки пособничества. Такое разграничение будет способствовать достижению принципа справедливости при назначении наказания и учитывать непосредственную роль каждого

участника вооруженного мятежа.

4. Заслуживают внимания и предложения автора о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации с целью создания единого механизма противодействия насильственным формам захвата власти. Диссертант предлагает пересмотреть всю систему существующих норм, исключив ст. 279 УК РФ с одновременным внесением изменений в ст. 278 УК РФ с дополнением ее таким квалифицирующим признаком как захват власти или нарушение территориальной целостности Российской Федерации, посредством вооруженного мятежа. Следует согласиться с таким видением системы норм о насильственном захвате власти, поскольку унификация уголовного закона и его единообразие оказывают положительное влияние на практику применения закона и способствуют более точному его применению.

Несмотря на общее положительное впечатление от проведенного исследования, следует отметить и ряд недостатков.

1. Рассматривая признак насилия как один из конструктивных элементов изучаемых автором составов преступлений, он указывает на то, что применительно к составам насильственного захвата власти могут применяться и иные, помимо физического и психического, формы насилия. Автор пишет, что относительно юридических лиц насилие может выразиться как в виде физического или психического насильственного воздействия на руководителей (руководство) организации, так и в иных вариантах применения силы (например, ограничения присутствия на рынке организации или проведения в отношении ее проверок с целью принуждения к совершению сделки и т.д.). Если же это население, нация, то насилие в отношении него, помимо указанных выше видов, возможно и в форме установления непосильных, «грабительских» налогов и податей, повинностей и т.д., например, таких, которые были характерны для древних времен и средневековых государств, а в некоторых регионах планеты практикуются и до сих пор, - в виде установления существенно ограничивающих естественные права и свободы человека порядков (право «первой брачной ночи»),

насаждения радикальных религиозных обычаев (к примеру, принудительной поголовной инфibuляции) - и в основном в местностях, пораженных паутиной террористических религиозных движений «Талибан», «ИГИЛ» и т.д. При этом автор не указывает, какой же формой насилия следует считать названные им варианты применения силы? Если это какие-то иные, отличные от физического и психического формы насилия, то налицо отсутствие их формулирования и обоснования их отличия от принятого в теории уголовного права понимания насилия как проявления физического или психического принуждения к потерпевшему.

2. Предлагая выделять вооруженность как один из квалифицирующих признаков вооруженного мятежа и на этом же основании разграничивая основные формы захвата власти на невооруженный захват власти и вооруженный захват власти, автор не предлагает решения вопроса о том, как в таком случае следует квалифицировать содеянное при наличии у участника незаконного захвата власти оружия. Вопрос о необходимости квалификации по совокупности со статьей о незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке, пересылке или ношении оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (ст. 222 УК РФ) будет актуальным в случае совершения вооруженного захвата власти. Следует ли учитывать вооруженность как конструктивный признак вооруженного захвата власти и на этом основании исключать квалификацию по совокупности со ст. 222 УК РФ? Если же совокупность преступлений имеется, не будет ли такая ситуация вызывать споры в связи с возможным двойным привлечением к ответственности за одно и то же деяние? Полагаем, что эту проблему следует исследовать дополнительно, поскольку отсутствие ее решения приведет к расхождению в вопросах применения закона, как это происходит с другими подобными составами, в частности, составом ст. 209 УК РФ – Бандитизм, о необходимости дополнительной квалификации которого со ст. 222 УК РФ в литературе идут давние споры.

3. Автор отмечает, что одним из наиболее распространенных и часто

применяемых в мировой практике последних лет *способов* насильственного захвата власти выступает так называемый метод цветных революций, заключающийся во вмешательстве «глобальных теневых структур во внутреннюю жизнь государств». Далее диссертант указывает, что главной особенностью данной *формы* насильственного захвата власти является то, что в этом случае завладение верховной государственной властью осуществляется без масштабного применения вооруженных сил. Налицо путаница в использовании понятийного аппарата, в связи с чем становится не совсем понятно, что же подразумевает автор под так называемыми «цветными революциями» - способ или же форму насильственного захвата власти? Если это способ, то он должен существовать внутри определенной формы. В данном случае, как вполне справедливо сам автор и отмечает, отстранение от власти происходит внешне мирным, но, по сути, насильственными методами, что говорит об отнесении «цветных революций» к одной из форм невооруженного захвата власти как способа совершения данного преступного деяния.

Вышеуказанные замечания, несомненно, дискуссионны и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация Кузнецова А.А. «Уголовно-правовая характеристика насильственных форм захвата власти» представляет собой самостоятельно выполненное, логически цельное, аргументированное исследование важной уголовно-правовой проблемы, результаты которого имеют значение для развития отечественной юридической науки и практики противодействия преступности.

2. Работа представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации – Кузнецов Александр Анатольевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент:

Глазкова Лилия Владимировна, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Пятигорского института (филиала) Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент
357500, г. Пятигорск, ул. Партизанская, 1 «б», корп. 3, телефон: 8-926-889-91-26, адрес электронной почты: glazkova_lily@mail.ru

